

лаете в противовес Граббе. Граббе нужно оставить в покое, он мирно догнивает, его никто не слушает, кроме его самого, Донским Атаманом. Пока сами Вы совсем не провоняли мертвечиной, плюньте и работайте, если имеете храбрость, на действительное благо Казачества.

На основании личного неудовольствия, Вы за последние несколько лет сделали много нехорошего, но в целом много показательного. Вы сделали ЦП с Кудиновым. Я же Кудинову сразу написал, что Вас выжмут как лимон и выбросят и то в короткий срок, что и случилось. ЦП с Безугловым. Опять тоже. Теперь дальше что же? Моя фантазия отказывается работать.

Можно всего ожидать, но первое, что я ожидаю, это то, что Вы все оппозиционеры бывшие, в конце-концов, должны же перебеситься и успокоиться и начать проводить в жизнь то, о чем Вы так все горячо писали. Нужно меньше всего обращать внимания на личность. Если я искренно верующий человек, для меня безразлично, служит ли поп черный, рыжий или белый. Главное, что он служит, а я пришел молиться. И. А. десять лет служит. Хорошо ли, плохо ли, это вопрос второстепенный. Главное, служит искренно и в ересь не вдается.

Привет Вам. Слава Казачеству! Жму Вам руку.

К. К. (Югославия).

Я долго колебался — печатать или нет письмо ст. К. К., ибо слишком он непочтительно и резко говорит о представительных учреждениях Казачества — о Круге и Раде. Потом решил напечатать. Чего скрывать истину? Многие казаки так смотрят на Круг и Раду, а нынешний Дон. Атаман гр. Граббе с помощью своих юристов, печатно и устно «кроет» и Круг, и Донские Законы, усиленно призывая Донцов жить в полном беззаконии.

Прежде всего отмечу, что у ст. К. К. впечатление, что я все время и во всем действую неискренно. Что делать? Нет у меня желания рассеивать такое его впечатление. В течение десяти лет я, в меру своих скромных сил, действую в определенном направлении, преследую одну цель: всеми средствами борьба с большевизмом, всеми способами борьба за освобождение и независимость Казачества. От этого направления я ни на iota не отступал и не отступлю, от этой цели никогда не отказывался и не откажусь. Все остальное — явление переходящее, вопрос целесообразности, вопрос времени, условий и обстановки.

Все те, кто самостоятельно мыслит, кто не лишен способности спокойно и здраво размышлять, кто не подвержен влиянию зоологической

демагогии, все они это отлично знают.

Я совершенно не понимаю, откуда ст. К. К. взял, что я призываю казаков объединиться «около остатков Донского Войскового Круга»? Нигде ни одной строчки в «КГ» с таким призывом он не найдет. Не меньше, чем К. К., я знаю достоинства и качества многих членов Круга, никакой симпатии к ним я не питаю, тем более никакой надежды на спасение Казачества с ними не связываю.

Но к институту Круга и Рады я отношусь с почтительным преклонением, ибо это — основа и база казачьей самостоятельности, туда Казачество дает все лучшее и достойное, что оно имеет в данное время.

Относясь отрицательно ко многим членам Круга, я, тем не менее, считаю, что в руководство выборами Донского Атамана Президиум Дон. Круга — единственный авторитетный и непристрастный орган. Именно в этом специальном атаманском вопросе я иду с Президиум Круга и никакой политики с ним делать не собираюсь, поскольку он не станет всецело на наш политический путь.

Наша цель и наш политический путь ясно определены, и в этом вопросе ни на какой компромисс мы идти не будем.

Я не собираюсь «вдохнуть душу» в недогнивших членов Круга. Эта задача не по мне. Но я действительно стремлюсь, чтобы Донцы избрали себе достойного Атамана и, по моему разумению, за самого достойного Донца, ген. П. Х. Попова, я веду агитацию и страстно хочу, чтобы Атаманом стал именно он, а не кто другой.

Правда, есть Донцы, которые думают, что самый недостойный и никчемный человек будет для них самым лучшим Атаманом. С другой стороны, есть казаки, которые полагают, что и самый достойный Войсковой Атаман явится великим злом для Казачества и ведут пропаганду об уничтожении вообще института Войсковых Атаманов.

Я не согласен ни с теми и ни с другими. Полагаю, что без достойных Войсковых Атаманов, казачий государственный корабль будет долго стоять на месте. А потому веду кампанию за будущего достойного Донского Атамана, в надежде, что он сумеет объединить максимальное количество казаков, сумеет казачье освободительное дело быстрее продвинуть вперед.

Если надежда не оправдывается, то — что делать? — мы ничего не потеряем, будем действовать так же, как теперь. Но в борьбе за освобождение мы не имеем права отказываться от любой обещающей возможности! Мы обязаны искать все, что может так или иначе способствовать освободительной борьбе.

Вы слишком сурово судите членов Круга и Рады. По Вашему они — «наши предатели». Не лучше ли быть легче на поворотах! Можно с Вами согласиться в том смысле, что «кому» много дано, с того много и спроситься». Ибо на членов Круга и Рады, в ответственное и бурное время, мы возложили страшную тяжесть и ответственное дело и они, в силу человеческой слабости, не оказались на высоте своего положения. Но нужно ли их так строго судить?

Почему к ним не подойти, как к обыкновенным честным казакам? Почему думаете, что именно члены Круга и Рады больше сгнили в эмиграции, чем их братья, другие такие же казаки? И почему Вы всех членов Рады считаете преступниками и только одного из них выделяете и так страстно ему «молитесь»?

И если хотите знать, то «злостным банкротом» оказались все мы в равной мере, в пролитии «потока казачьей крови» виноваты также все мы в равной мере. Все мы не отдавали ясного отчета дома, не имели ясной идеи (не исключая и того, кому Вы теперь «молитесь»). Разве чуть-чуть большая доля вины ложится на членов Круга и Рады, как на народных избранников и на наше военное начальство, водившее тогда нас в бой.

Был ли я когданибудь искренним вольным казаком? Входила ли когданибудь в мою душу вольноказачья идеология? Смею думать, был и «входила». Для этого Вам стоит прочитать литературу казаков-националистов за последние 10 лет. Если Вы сомневаетесь, то переубеждать не собираюсь. Дело бесполезное. Вероятнее всего, что в понятие «вольный казак» мы вкладываем разное содержание. Я полагаю, вольные казаки все те, кто являются непримиримыми врагами большевизма, кто жаждут освобождения и возрождения независимого Казачества. Вы же, вероятно, полагаете, что вольный казак только тот,

кто неподвижно «служит» и тот, кто к нему «пришел молиться». Вольному воля...

Я думаю, что мы не на «молитву» собираемся, а для политического действия. Разница между нами в том, что одних удовлетворяет тихая молитва (дело очень хорошее!), а другие жаждут активного действия. Я ушел, пользуясь вашим выражением «от черного попа», чтобы не нарушать его «тихую молитву».

По Вашему, я за последние несколько лет сделал много нехорошего и показательного. Это Вам виднее. Если Вы правы, то тем хуже для меня. Я в меру своих сил действую, может быть (и наверно) делаю ошибки. Но не ошибается тот, кто ничего не делает! Если мне укажут конкретно на мою ошибку, я с удовольствием ее признаю и постараюсь ее исправить. А на общее «нехорошо» я мало внимания обращаю.

«Нужно меньше всего обращать внимания на личность». Золотые слова! Но вы этот упрек направляете по моему адресу, даете понять, что я в своей деятельности неискренен и руководствуюсь личными интересами. Могу Вас заверить, у «черного попа» я кагался бы, как сыр в масле. Он мне обеспечивал материальное содержание, в моем распоряжении были страницы его периодического журнала. Живи припеваючи, тихо молись и пиши сколько тебе угодно.

Но я оказался таким дураком, что преследуя свои личные интересы, сам категорически отказался от предлагаемого материального обеспечения, вольготной жизни, ушел от него, обрекая себя на полуголодное существование.

Почему, думаете, так случилось? И Вам и многим другим следует над этой загадкой немножко призадуматься.

Привет Вам. Жму руку.

Шамба Балинов.

Доклад Ш. Н. Балинова в Риуперу

17 июня к нам в Риуперу приезжал редактор журнала «Казачий Голос» и председатель калмыцкой организации «ХТГ» — Ш. Н. Балинов. Его приезд в наше захолустье явился для нас радостным событием, многое мы от него узнали, стало как-то легче дышать, стали бодрее смотреть на будущее. Давно он к нам не приезжал, давно мы его просили приехать к нам.

Как повсюду он делает, Балинов первым делом сделал нам подробное сообщение по всем тем вопросам, какие нас интересуют: положение

внутри СССР, события во внешнем мире, жизнь и деятельность казачьих общественно-политических организаций, особенно подробно остановившись на той оживленной кампании, которая ведется среди Донцов в связи с предстоящими выборами Донского Атамана.

Все его сообщение, сделанное со свойственной ему живостью и знанием дела, было для нас, заброшенных в ущелья снежных гор, полным откровением. Мы только жалели, что он приехал к нам только на один день. Поэтому, после офи-